

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Pocket-book

Фрэнсис Фицджеральд
Великий Гэтсби

«ЭКСМО»

1925

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Фицджеральд Ф. С.

Великий Гэтсби / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо»,
1925 — (Pocket-book)

ISBN 978-5-04-104009-3

«Великий Гэтсби» – самый известный роман Фрэнсиса Фицджеральда, ставший символом «века джаза». Америка, 1925 г., время «сухого закона» и гангстерских разборок, ярких огней и яркой жизни. Но для Джея Гэтсби воплощение американской мечты обернулось настоящей трагедией. А путь вверх, несмотря на славу и богатство, привел к тотальному крушению. Ведь каждый из нас в первую очередь стремится не к материальным благам, а к любви, истинной и вечной...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104009-3

© Фицджеральд Ф. С., 1925

© Эксмо, 1925

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби

© С. Ильин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Надень золотую шляпу и скачи перед ней,
Пока она не скажет: «О возлюбленный мой!
О мой возлюбленный златошляпый прыгун,
Я буду навек с тобой!»*

Томас Парк Д'инвильерс¹

¹ Псевдоним Ф. С. Фицджеральда, герой его якобы автобиографического романа «По эту сторону рая» (1920).

Глава первая

Впору моей впечатлительной юности отец дал мне совет, который с того времени нейдет у меня из головы. «Всякий раз, как у тебя возникнет желание осудить кого-то, – сказал он, – вспоминай, что не все люди получили на этом свете блага, которые выпали на твою долю».

Вот и все, что он мне сказал, впрочем, разговоры наши всегда отличались редкостным немногословьем, и потому я понял: отец подразумевал нечто большее. В результате я приобрел склонность воздерживаться от любых суждений – привычка, благодаря которой мне раскрывало души немалое число интересных людей, хоть она же и обращала меня в жертву закоре-нелым занудам. Обладатель не вполне нормального разума умеет быстро обнаруживать такую склонность в человеке нормальном и вцепляться в него мертвой хваткой, отчего и получилось, что в колледже меня несправедливо считали тонким интриганом, поскольку люди никому не любопытные, дичившиеся всех прочих, посвящали меня в свои горестные тайны. По большей части я их откровений отнюдь не искал и нередко, едва поняв по некоторым безошибочно узна-ваемым признакам, что на горизонте замаячила интимная исповедь, изображал сонливость, великую занятость или неприязненную легковесность; ведь интимные исповеди молодых муж-чин или, по крайней мере, выражения, в которые они облачаются, как правило, отдают плагиа-том либо основательно замутняются очевидными недомолвками. Воздерживаться от суждений – значит питать неутолимую надежду. Я и поныне боюсь упустить что-нибудь важное, если вдруг забуду то, что не без тщеславия утверждал мой отец и не без тщеславия повторяю я: что краеугольное качество добропорядочности распределяется между нами, рождающимися на свет, не поровну.

Ну вот, побахвалившись подобным образом присущей мне терпимостью, я готов при-знать, что и ей положены определенные пределы. Поведение человека может иметь фундамен-том крепкую скальную породу, а может и болотную топь, однако по пересечении определенной черты я перестаю интересоваться тем, что лежит в его основе. Вернувшись прошлой осенью с востока страны, я томился жаждой единообразия мира: желал, чтобы он, когда дело идет о нравственности, застыл по стойке «смирно», а сумбурные экскурсии с правом осмотра тайников человеческих душ более не привлекали меня. Исключением стал лишь Гэтсби, тот, именем коего названа эта книга, – Гэтсби, олицетворявший все, к чему я питал безучаст-ное презрение. Если личность можно оценивать по непрерывной череде удачных жестов, то в нем действительно присутствовало нечто блестящее, обостренная восприимчивость к посулам жизни; он был подобен сложному прибору, который слышит землетрясения, происходящие в десяти тысячах миль от него. Эта отзывчивость не имела ничего общего с вялой впечатлитель-ностью, которая носит благородное прозвание «творческая натура», – она была поразитель-ным даром надежды, романтической готовности ко всему на свете, даром, какого я не встре-чал больше ни в ком и какой навряд ли увижу снова. Нет, в конечном счете, Гэтсби оказался человеком замечательным – это те, кто жил за его счет, та грязная пыль, что вилась по пятам за его мечтаниями, – она заставила меня на время утратить интерес к бесплодным печалям и взлетам наделенных куцыми крыльями людей.

Происхожу я из видной, состоятельной семьи, три поколения которой жили в родном моем городе на Среднем Западе. Каррауэи – это подобие клана; согласно преданию, мы ведем свой род от герцогов Баклю, хотя непосредственным основателем нашей линии был брат моего деда, перебравшийся сюда в пятьдесят первом, отправивший кого-то взамен себя на Граждан-скую войну и основавший оптовую торговлю скобяным товаром, возглавляемую ныне моим отцом.

Двоюродного дедушку мне видеть не довелось; предполагается, однако ж, что я похож на него, – доказательством служит довольно топорной работы портрет его, висящий в кабинете

отца. Учебу в Нью-Хейвене я закончил в 1915 году, ровно через четверть века после отца, и несколько позже принял участие в той запоздалой миграции тевтонского племени, что получила название Мировой войны. Наш контрудар доставил мне удовольствие столь большое, что, и вернувшись домой, я все никак не мог успокоиться. Средний Запад представлялся мне теперь не уютным центром вселенной, но ее неказистой окраиной – и потому я надумал поехать на Восток, дабы изучить тонкости обращения с долговыми обязательствами. Каждый, кого я знал, занимался долговыми обязательствами, вот я и решил, что этот бизнес в состоянии прокормить еще одного холостяка. Тетушки мои и дядюшки обсуждали сей замысел с таким усердием, точно дело шло о выборе для меня частной школы, и наконец постановили: «Ну, что же, д-да», сохраняя, впрочем, на лицах мрачное, неуверенное выражение. Отец согласился в течение года выплачивать мне содержание, и весной двадцать второго я отправился на Восток – навсегда, как я полагал.

Разумнее всего было подыскать жилище в городе, однако время стояло теплое, а я только что покинул край просторных лужаек и приветливых деревьев, поэтому, когда работавший в одном со мной офисе молодой человек предложил снять с ним на пару дом в пригороде, я счел эту мысль превосходной. Он подыскал выдавшееся виды шаткое бунгало, сдававшееся за восемьдесят долларов в месяц, но в последнюю минуту фирма отослала его в Вашингтон, и пришлось мне отправиться за город одному. У меня была собака – во всяком случае, пробыла несколько дней, пока не сбежала, – старенький «Додж» и финских кровей служанка, которая стелила мою постель, готовила завтрак и вполголоса делилась сама с собой, стоя у электрической плитки, перлами финской мудрости.

День-другой мне было одиноко, но затем поутру меня остановил на дороге человек, приехавший туда позже меня.

– Не скажете, как попасть на Западное Яйцо? – сокрушенно осведомился он.

Я объяснил. И продолжил свой путь, уже не терзаясь одиночеством: я обратился в проводника, следопыта, первого поселенца. Сам того не заметив, человек этот даровал всему, что меня здесь окружало, свободу.

В то утро, под солнцем и трепетом листвы, которая словно рвалась из древесных ветвей, как при замедленной киносъемке, ко мне вернулась привычная уверенность: с летом жизнь начинается заново.

Мне предстояло прежде всего столь многое прочитать, впитать столько здоровья из молодого воздуха, которым так привольно дышалось. Я купил десяток томов по банковскому и кредитному делу, по ценным бумагам, и они выстроились на полке, красные с золотом, похожие на только что отчеканенные монеты, обещаая открыть ослепительные тайны, ведомые лишь Мидасу, Моргану и Меценату. Впрочем, я имел возвышенное намерение прочесть и множество иных книг. В колледже я питал склонность к литературе – в один год написал даже для «Йель-Ньюс» несколько весьма напыщенных и тривиальных передовых статей, – и теперь собирался обновить эту сторону моей жизни, снова стать самым узким из всех специалистов – «широко образованным человеком». И это не праздная ирония – в конце концов, жизнь удобнее всего созерцать, имея в своем распоряжении только одно оконце.

Случай распорядился так, что дом я снял в одном из самых удивительных поселений Северной Америки. Оно находится на длинном, бестолковом острове, что тянется от Нью-Йорка прямо на восток, – здесь среди прочих причуд природы имеется два необычных геологических курьеза. В двадцати милях от города во влажное задворье Нью-Йорка, именуемое проливом Лонг-Айленд – а это самое обжитое в Западном полушарии морское пространство, – вдается пара огромных, одинаковых по очертаниям «яиц», разделенных бухтой, каковую местные жители с учтивой снисходительностью именуют «заливом». Подобно колумбовым, совершенной овальностью эти «яйца» не отличаются, оба слегка приплюснуты со стороны «залива»,

однако физическое подобие их наверняка сбивает с толку парящих над ними чаек. Бескрылых же существ куда сильнее завораживает их несходство во всем, кроме формы и размера.

Я жил на Западном Яйце, бывшем, как бы это сказать... менее фешенебельным, чем Восточное, хотя это поверхностное слово едва ли передает странный и не в малой мере зловеющий контраст двух островов. Дом мой стоял на самой оконечности «яйца», не более чем в пятидесяти ярдах от Пролива, и был затиснут между двумя огромными дворцами, которые сдавались за двенадцать, а то и пятнадцать тысяч в сезон. Возвышавшийся справа, колоссальный по каким угодно меркам, был, на деле, имитацией нормандского Hôtel de Ville² – с фланговой башней, новизна которой просвечивала сквозь реденькую бородку юного плюща, мраморным бассейном и сорока с лишком акрами лужаек и парков. То была обитель Гэтсби. Правильнее сказать, поскольку знакомство с мистером Гэтсби я свел не сразу, то была обитель джентльмена, носившего эту фамилию. Мой же дом представлялся бельмом на глазу, однако бельмом маленьким и потому его проглядели, а я получил возможность наслаждаться видом на Пролив и на кусочек одной из лужаек моего соседа. Утешительная близость к миллионерам – и всего за восемьдесят долларов в месяц.

На другом берегу «залива» посверкивали выстроившиеся вдоль воды белоснежные дворцы фешенебельного Восточного Яйца, и начало истории того лета пришлось, по сути, на вечер, когда я отправился туда, чтобы пообедать с мистером и миссис Том Бьюкенен. Дэйзи приходилась мне троюродной племянницей, а Тома я знал по университету. Кроме того, сразу после войны я провел с ними два дня в Чикаго.

Муж Дэйзи, обладатель множества физических достоинств, был одним из самых мощных тайт-эндов, какие когда-либо играли в футбольной команде Нью-Хейвена – фигурой масштаба, в некотором роде, национального, одним из тех, кто в двадцать один год достигает таких, пусть и до крайности узких, но высот, что дальнейшая их жизнь приобретает привкус поражения. Семья Тома была несосветимо богата – даже в колледже его безудержное мотовство порождало множество нареканий, – ныне же он покинул Чикаго ради Востока с размахом попросту ошеломительным: перевезя, к примеру, из Лейк-Фореста целый табун пони для игры в поло. Трудно представить, что человек моего поколения может быть богат настолько, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Что привело их на Восток, я не знаю. Они прожили, без какой-либо на то причины, год во Франции, а после их словно вихрь какой-то носил по местам, где богатые люди играют в поло и упиваются обществом друг друга. Это последний переезд, сказала мне по телефону Дэйзи, однако я ей не поверил – читать в ее сердце я не умел, но чувствовал, что Том так и будет носиться по свету, выискивая без особой веры в успех драматическую взвинченность какого-то невозвратимого футбольного матча.

Оттого и случилось, что теплым ветреным вечером я отправился на Восточное Яйцо повидать двух давних знакомых, которых почти не знал. Дом их оказался изукрашенным даже пуще, чем я полагал, – то был глядевший на «залив» праздничный, красный с белым особняк георгианской колониальной поры. Лужайка начиналась от пляжа и на протяжении четверти мили избегала к парадной двери, перепрыгивая через посыпанные толченым кирпичом дорожки, огибая солнечные часы и горевшие множеством красок сады, – и наконец, когда я достиг особняка, вспорхнула яркими виноградными лозами по его боковой стене, словно не сумев приостановить свой бег. Фасад прорезала череда французских окон, распахнутых в теплый ветреный послеполудень и сиявших отражениями золота, а на парадной веранде стоял, широко расставив ноги, одетый для верховой езды Том Бьюкенен.

Он изменился со времен Нью-Хейвена. Ныне это был крепкий тридцатилетний мужчина с соломенными волосами, довольно жестким ртом и высокомерной повадкой. На лице его гла-

² Городской особняк (*фр.*). – Здесь и далее примечания переводчика.

венствовали светившиеся надменностью глаза, которые сообщали Тому вид угрожающе подавшегося корпусом вперед человека. И даже дамская щеголеватость наезднического наряда не способна была скрыть огромную мощь его тела – казалось, что икры Тома, неимоверно напрягая шнуровку, до отказа наполняют поблескивающие высокие ботинки, а когда он поводил плечами, видно было, как под тонкой тканью сюртука ходят колоссальные бугры мышц. То было тело, способное на огромные усилия, – жестокое тело.

Голос Тома, резкий хрипловатый тенор, лишь усиливал создаваемое им впечатление вздорной капризности. В голосе Тома Бьюкенена звучала – даже когда он обращался к тем, кто ему нравился, – нотка покровительственной презрительности, и я знал в Нью-Хейвене немало людей, которые его на дух не переносили.

«Я, в отличие от вас, настоящий мужчина, да и посильнее вашего буду, – казалось, желал сказать он, – однако из этого не следует, что я всегда прав». Мы состояли в одном тайном студенческом обществе, и, хотя близкими друзьями не стали, мне всегда казалось, что Том неплохо ко мне относится и испытывает смутное желание произвести на меня приятное впечатление, не поступившись, однако ж, своей вызывающей и какой-то тоскливой резкостью.

Несколько минут мы беседовали, стоя на залитой солнцем веранде.

– Недурственным я здесь обзавелся жилищем, – сказал он, окидывая беспокойным взглядом свои владения.

Он развернул меня кругом и обвел широкой плоской ладонью открывавшийся с веранды вид, охватив этим жестом притопленный в землю итальянский парк, пол-акра темных роз, которые наполняли воздух язвющим ароматом, и покачивавшуюся у берега тупоносую моторную яхту.

– Все это принадлежало Демэйну, нефтедобытчику. – Он снова развернул меня, учтиво, но резко. – Пошли в дом.

Пройдясь под высокими потолками вестибюля, мы вступили в яркое, розовых тонов пространство, которое неуверенно удерживали внутри дома французские окна, светившиеся на противоположных его краях. Окна стояли настежь, белея на свежей зелени наружной травы, казалось проникавшей отчасти и вглубь дома. Легкий ветер гулял по комнате, вдувая в нее занавеси на одном конце и выплескивая, как светлые флаги, вовне на другом, скручивая их, взметая к глазированному свадебному торту потолка, а после зыбля над виноцветным ковром, устилая его бегущими, словно по морю, тенями.

Единственным, что хранило в этой комнате совершенную неподвижность, был огромный диван, над которым парили, чуть покачиваясь, точно монгольфьеры на привязи, две молодые женщины. Обе в белом, платья обеих струились и колыхались, как будто их обладательницы только что приземлились здесь, совершив недолгий облет дома. Должно быть, я простоял несколько мгновений на пороге комнаты, вслушиваясь в хлопки и щелчки занавесей, в постукивания картины на стене. Затем раздался гулкий удар – это Том Бьюкенен захлопнул задние окна, и пойманный в ловушку ветер испустил в комнате дух, и занавеси, и ковры, и две молодые женщины медленно опали из воздуха на свои места.

Той, что была помоложе, я не знал. Она лежала, вытянувшись на своем конце дивана, совершенно неподвижная, чуть приподняв подбородок, словно уравновесив на нем некий предмет, почти наверняка обреченный на падение. Если она и заметила меня краем глаза, то ничем этого не показала – и я, пораженный, едва не забормотал слова извинения за то, что нарушил, явившись сюда, ее покой.

Вторая женщина, Дэйзи, честно попыталась встать – чуть наклонилась вперед, но затем издала нелепый, чарующий смешок, и я, тоже усмехнувшись, вошел в комнату.

– Я п-парализована счастьем.

Она усмехнулась снова, словно сказала нечто до крайности остроумное, на миг задержала мою ладонь в своей, вглядываясь мне в лицо, заверяя меня этим взглядом, что никого на свете

ей не хотелось бы видеть так сильно. Обычная ее манера. Тихим бормотком Дэйзи дала мне понять, что увлеченная странной балансировкой женщина носит фамилию Бейкер. (Да, я знаю, поговаривают, будто Дэйзи придумала свой бормоток, чтобы заставить людей склоняться к ней поближе, – пустая придирка, не делающая его менее очаровательным.)

Так или иначе, губы мисс Бейкер дрогнули, она почти неприметно кивнула мне и снова откинула голову назад – надо полагать, та вещь, равновесие которой она старалась сохранить, качнулась, чуть напугав ее. И снова с моих губ едва не сорвались извинения. Почти всякое проявление довольства собой сражает меня, внушая почтительный трепет.

Я взглянул на кузину, и та начала задавать мне вопросы – негромким, пронимающим душу голосом. Голосом из тех, за возвышениями и падениями которых слух наш следит поневоле, как если бы каждая произносимая ими фраза была совокупностью музыкальных нот, которая никогда больше не прозвучит. Грустное, миловидное лицо Дэйзи не лишено было живости – живые глаза, живой и страстный рот, – но в голосе пело волнение, забыть которое мужчинам, равнодушным к ней, было трудно: напевный напор, едва различимое «слушай», уверение, будто, вот, совсем недавно она проделала нечто веселое, волнующее и, подождите часок, – проделает снова.

Я рассказал ей, как по пути на восток задержался на день в Чикаго и как десяток людей, которых я в нем повстречал, просили передать ей сердечный привет.

– Так по мне там скучают? – восторженно вскричала она.

– Город попросту безутешен. Левое заднее колесо каждой машины выкрашено в черный цвет – вылитый похоронный венок – и во всю ночь вдоль Северного берега разносятся стенания.

– Какая роскошь! Давай вернемся туда, Том. Завтра же! – к чему она ни с того ни с сего добавила: – Ты должен взглянуть на малышку.

– С удовольствием.

– Она спит. Ей три годика. Ты ее когда-нибудь видел?

– Никогда.

– Так взгляни непременно. Она...

Беспокойно круживший по комнате Том Бьюкенен остановился, положил ладонь мне на плечо.

– Чем ты занимаешься, Ник?

– Долговыми обязательствами.

– Где?

Я назвал нашу компанию.

– Никогда о них не слышал, – не обинуясь, заметил Том.

Меня это рассердило.

– Услышишь, – отрывисто ответил я. – Если останешься на Востоке.

– О, на Востоке-то я останусь, будь уверен, – сказал он, взглянув на Дэйзи, а затем снова на меня, словно в ожидании чего-то еще. – Я был бы черт-те каким дураком, если бы поселился где-то еще.

И вот тут мисс Бейкер объявила: «Безусловно!» – столь неожиданно, что я вздрогнул, – то было первое слово, произнесенное ею со времени моего появления в комнате. Очевидно, ее оно удивило не меньше, чем меня, поскольку мисс Бейкер зевнула и в несколько проворных движений поднялась на ноги.

– Совсем одеревенела, – пожаловалась она. – Сколько себя помню, все лежу и лежу на этой софе.

– Только не смотри на меня с укоризной, – сердито отозвалась Дэйзи. – Я тебя с самого полудня пыталась в Нью-Йорк вытащить.

– Нет, спасибо, – сказала мисс Бейкер четырем коктейлям, как раз в этот миг внесенным в комнату. – Мне безусловно нужно следить за формой.

Хозяин дома уставился на нее, словно не поверив своим ушам.

– Тебе? – Он взял бокал и заглянул в него так, точно там плескалось что-то на самом доньшке. – Как тебе вообще удастся чего-то достичь – это выше моего понимания.

Я смотрел на мисс Бейкер, гадая, чего же это она «достигла». Смотреть на нее было приятно. Стройная девушка с маленькой грудью, со станом, прямизну которого она подчеркивала, слегка отводя, точно юный кадет, плечи назад. Она тоже обратила ко мне взгляд серых, прищуренных от солнечного света глаз, и на ее бледном, чарующем, недовольном чем-то лице обозначилось выражение воспитанного ответного интереса. Теперь я сообразил, что где-то уже видел ее – или ее фотографию.

– Вы живете на Западном Яйце, – надменно произнесла она. – Я там кое-кого знаю.

– А я так ни единого человека...

– Ну, Гэтсби-то вы знать должны.

– Гэтсби? – переспросила Дэйзи. – Какого Гэтсби?

Прежде чем я успел сообщить, что так зовут моего соседа, нас позвали к столу; Том Бьюкенен, властно просунув свою мускулистую руку под мою, повлек меня из комнаты, словно переставляя шашку с одной клетки на другую.

Стройные, неторопливые молодые женщины вышли, слегка подбоченившись, опережая нас, на розовых тонов веранду, глядевшую в сторону заката, подступили к столу, на котором подрагивало под стихавшим ветром пламя четырех свечей.

– А свечи-то к чему? – неодобрительно нахмурилась Дэйзи. И погасила их щелчками пальцев. – Через две недели – самый длинный в году день.

Она обратила к нам вдруг просиявшее лицо.

– Вы тоже всегда ждете самого длинного дня в году, а потом пропускаете? Я вечно жду, а потом пропускаю.

– Нужно будет что-нибудь на него придумать, – предложила, зевнув, мисс Бейкер и присела за стол так, словно в постель улеглась.

– Ладно, – сказала Дэйзи. – А что?

Она беспомощно взглянула на меня:

– Что обычно придумывают люди?

Я еще не успел ответить, как она, с испугом уставившись на свой мизинец, пожаловалась:

– Смотрите! Я поранилась.

Мы посмотрели – костяшка мизинца отливала темной синевой.

– Это твоя работа, Том, – укоризненно сказала Дэйзи. – Я знаю, ты не нарочно, но ты это сделал. Вот что я получила, выйдя замуж за такое животное, за огромный, громоздкий, нескладный образчик...

– Мне не нравится слово «нескладный», – сварливо перебил ее Том, – даже в шутку.

– Нескладный, – упрямо повторила Дэйзи. Время от времени она и мисс Бейкер заговаривали вместе, с шутливой бессвязностью, однако назвать эти речи пустой болтовней было нельзя, в словах двух женщин неизменно присутствовало то же спокойствие, что и в их белых платьях, в безразличных, лишенных любых желаний глазах. Они были здесь, рядом, они принимали наше с Томом присутствие, они прилагали приятные, учтивые усилия к тому, чтобы развлечь нас или развлечься самим. Обе знали, что обед в скором будущем завершится, а несколько позже завершится и вечер и о нем можно будет забыть. Все это сильно отличалось от запада страны, где вечера торопливо переходят из одной стадии в другую, близясь к концу в сопровождении нервной боязни финала или неизменно обманчивых предвкушений.

– Рядом с тобой, Дэйзи, я начинаю чувствовать себя человеком нецивилизованным, – признался я под второй бокал отдававшего пробкой, бойкого, хоть и впечатляющего кларета. – Ты не могла бы порассуждать о видах на урожай или о чем-то еще в таком роде?

Я и сам не взялся бы объяснить, что хотел этим сказать, однако прием мои слова получили неожиданный.

– Цивилизация гибнет, – вдруг резко выпалил Том. – Я на этот счет большой пессимист. Ты читал «Возвышение цветных империй» Годдара?

– Нет, а что? – ответил я, немного дивясь его тону.

– Да ничего, просто хорошая книга, каждому стоит прочесть. Идея ее в том, что если мы не будем начеку, белую расу... ну, оттеснят на второй план. Книга научная, в ней все доказано.

– Том обращается в необычайно вдумчивого человека, – сказала Дэйзи, соорудив гримаску беспечной печали. – Читает серьезные книги, в которых много длинных слов. Какое это слово мы...

– Я читаю научные книги, – заявил Том, бросив на нее раздраженный взгляд. – Этот малый все просчитал. Нам, господствующей расе, следует сохранять бдительность, иначе власть над миром захватят другие расы.

– Перебить их всех, и дело с концом, – прошептала Дэйзи, свирепо подмигивая жаркому солнцу.

– Тебе следовало поселиться в Калифорнии... – начала мисс Бейкер, но Том, грузно сместившись в кресле, не дал ей закончить.

– Мысль его в том, что мы – люди нордической расы. Я, ты, и ты, и... – после кратчайшего колебания он легко кивнул Дэйзи, включив в нашу компанию и ее, и она снова мне подмигнула. – Это мы создали все, из чего состоит цивилизация – ну, там, науку, искусство и прочее. Понимаешь?

Что-то жалкое присутствовало в озабоченности Тома – казалось, ему уже не хватало самодовольства, хоть и усилившегося против прежнего. Когда же – почти сразу вслед за его вопросом – в доме затрещал телефон и дворецкий покинул веранду, Дэйзи, воспользовавшись заминкой в разговоре, склонилась ко мне.

– Я хочу открыть тебе семейную тайну, – воодушевленно прошептала она. – Насчет носа дворецкого. Хочешь узнать про нос дворецкого?

– Ради этого я к вам и приехал.

– Так вот, он не всегда был дворецким. Раньше он служил у одних людей в Нью-Йорке, отчищал их столовое серебро, а у них человек двести за стол садилось. Чистил он его, чистил с утра и до ночи, и, наконец, это занятие стало вредить его носу...

– А там и пошло – от плохого к худшему, – вставила мисс Бейкер.

– Да. Все пошло от плохого к худшему и кончилось тем, что ему пришлось отказаться от места.

На мгновение последний свет солнца с романтической нежностью коснулся ее просиявшего лица; голос Дэйзи словно притянул меня, я слушал его, затаив дыхание, но тут сияние стало меркнуть, каждый луч покидал ее лицо с медленным сожалением, – как ребенок, уходящий при наступлении сумерек с милой ему улицы.

Дворецкий вернулся и что-то пробормотал Тому на ухо, Том нахмурился, отодвинул свое кресло от стола и, не промолвив ни слова, ушел в дом. Его отсутствие словно подстегнуло какие-то мысли Дэйзи, она снова подалась вперед и заговорила, пылко и певуче:

– Так приятно видеть тебя за нашим столом, Ник. Ты напоминаешь мне м-м... розу, совершенную розу. Ведь так? – Она повернулась за подтверждением к мисс Бейкер. – Совершенная роза, верно?

Это неправда. На розу я не похож и отдаленно. Дэйзи всего лишь импровизировала, но источала при этом такую берущую за душу доброту, что казалось, будто само ее сердце пыта-

лось подобраться ко мне поближе, укрывшись в одном из этих тихих, трепетных слов. А затем она вдруг бросила салфетку на стол, извинилась и тоже ушла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись короткими взглядами, постаравшись не вложить в них никакого значения. Я открыл было рот, собираясь заговорить, однако мисс Бейкер настороженно выпрямилась и предостерегающе шепнула: «Чшш!» Из ближней комнаты до нас доносился приглушенный взволнованный разговор, мисс Бейкер без тени стыда вытянула шею, пытаясь расслышать произносимые там слова. Разговор поколебался на самой грани различимости, затих, снова окреп, возбужденный, и прервался насовсем.

– Тот мистер Гэтсби, о котором вы упомянули, сосед мне... – начал я.

– Помолчите. Я пытаюсь понять, что там происходит.

– А разве что-то происходит? – невинно осведомился я.

– То есть вы ничего не знаете? – искренне удивилась мисс Бейкер. – Я думала, все знают.

– Я – нет.

– Ну как же... – Она помялась. – Том завел в Нью-Йорке женщину.

– Завел женщину? – тупо переспросил я.

Мисс Бейкер кивнула.

– Могла бы и посовеститься звонить ему сюда во время обеда. Вам не кажется?

Я еще не успел вполне осознать смысл ее слов, как послышался шелест платья, скрип кожаных ботинок – Дэйзи с Томом вернулись к столу.

– Не удержалась! – с натугой веселостью воскликнула Дэйзи.

Она села, окинула изучающим взглядом мисс Бейкер, потом меня и продолжила:

– Я на минутку выглянула в парк, там так романтично. На лужайке птичка поет, наверное – соловей, переплывший Атлантику на пароходе «Кунарда» или «Белая звезда». Так разливаются... – И она сама почти пропела: – Романтично, не правда ли, Том?

– Весьма, – ответил он и с жалким видом повернулся ко мне: – Если после обеда еще будет светло, я бы сводил тебя на конюшню.

В доме вновь зазвонил, испугав нас, телефон. Дэйзи взглянула на Тома, решительно покачала головой, и тема конюшни, как, собственно, и все прочие темы, растаяла в воздухе. Из разрозненных фрагментов последних пяти минут, которые мы провели за столом, я только и помню, что снова зажженные, непонятно зачем, свечи и мои старания смотреть в лицо каждому и при этом ни с кем не встречаться взглядом. О чем думали Дэйзи и Том, я догадаться не мог, полагаю, однако, что даже обладавшей своего рода стойким скептицизмом мисс Бейкер не удалось полностью отрешиться от пронзительной металлической настырности нашего пятого сотрапезника. Человеку определенного склада положение наше могло показаться занятным, меня же так и подмывало немедленно позвонить в полицию.

Лошади, о чем можно и не говорить, больше не упоминались. Том и мисс Бейкер удалились, разделенные несколькими футами сумерек, в библиотеку, словно там дожидался их бдения вполне реальный покойник, я же, прилагая усилия к тому, чтобы выглядеть человеком приятно заинтересованным и немного тугим на ухо, последовал за Дэйзи по черед соединенных веранд к главной из них, парадной. Там, в уже сгустившемся полумраке, мы присели бок о бок на плетеное канапе.

Дэйзи приложила ладони к щекам, словно намереваясь ощупать прелестный овал своего лица, взгляд ее неторопливо блуждал по бархатистому сумраку. Я понимал, что ее булбуют сильные чувства, и потому принялся задавать успокоительные, как мне представлялось, вопросы об их с Томом дочери.

– Мы не очень хорошо знаем друг друга, Ник, – внезапно сказала Дэйзи. – Хоть мы и родня. Ты не приезжал на мою свадьбу.

– Я тогда еще не вернулся с войны.

– Это правда. – Она поколебалась. – Я пережила очень плохое время, Ник, и стала циничной во всем.

По-видимому, у нее имелись на то причины. Я подождал немного, однако Дэйзи ничего больше не сказала, и я вернулся, несколько неуклюже, к ее дочери.

– Я так понимаю, она разговаривает и... ест и все прочее.

– О да. – Дэйзи перевела на меня рассеянный взгляд. – Знаешь, что я сказала, когда она родилась? Хочешь это услышать?

– Очень.

– Тогда ты сможешь понять, какие чувства я испытывала к... ко всему. Ну вот, после родов прошло меньше часа, а Том – бог его знает, где он был в то время. Я очнулась от эфира, чувствуя себя всеми покинутой, и сразу спросила у медицинской сестры, мальчик у меня родился или девочка. Она ответила – девочка, и я отвернулась к стене и заплакала. «Ладно, – сказала я, – хорошо, что девочка. Надеюсь, она вырастет дурой, это лучшее, чем может стать в жизни девочка, – красивой дурочкой».

– Знаешь, по-моему, все вокруг ужасно, так или иначе, – убежденно продолжала Дэйзи. – Да все так думают, даже самые передовые люди. Но я-то знаю.

Она пробежалась по темноте полным вызова взглядом, напомнив мне Тома, и усмехнулась с презрением, от которого меня пробила зябкая дрожь.

– Умудренной – вот какой я стала, о Господи, умудренной!

Голос Дэйзи надломился, чары, удерживавшие мое внимание, поддерживавшие веру, распались, и я почувствовал коренную неискренность сказанного ею. Мне стало неловко, словно я понял вдруг, что весь этот вечер был обманом, своего рода уловкой, имевшей целью обратить меня в эмоционального соучастника всего, что здесь происходит. Я ждал продолжения, и разумеется, миг спустя Дэйзи повернула ко мне прелестное лицо, светившееся глуповатым самодовольством: ей удалось доказать свою принадлежность к тайному обществу избранных, в котором состояли она и Том.

Кармазиновых тонов комната походила на облитый светом цветок.

Том и мисс Бейкер сидели по краям длинного дивана, она читала ему вслух что-то из «Сетеди ивнинг пост» – слова, негромкие, вечно все те же, текли, словно усыпительная музыка. Свет ламп, яркий на его ботинках и тускневший в ее желтых, как осенние листья, волосах, плеснул мгновенным отблеском на бумаге, когда мисс Бейкер перевернула – отчего встрепенились тонкие мышцы ее рук – страницу.

Когда мы вошли, она подняла ладонь, призывая нас к молчанию.

– Продолжение, – вскоре сообщила мисс Бейкер, бросив журнал на стол, – в следующем номере.

Тело ее напомнило о себе подергиванием колена, она встала.

– Десять часов, – сказала она, отыскав, надо думать, на потолке невидимые часы. – Хорошим девушкам пора ложиться спать.

– Джордан завтра выступает в турнире, – пояснила Дэйзи, – в Уэстчестере.

– О, так вы – Джордан Бейкер.

Теперь я понял, откуда знаю ее лицо: привлекательное и презрительное, оно смотрело на меня со многих ротогравюр, посвященных спортивным событиям в Эшвилле, Хот-Спрингсе и Палм-Биче. Слышал я и какую-то связанную с ней историю, предосудительную, малоприятную, но какую – давно забыл.

– Спокойной ночи, – мягко сказала она. – Разбудите меня в восемь, хорошо?

– Если проснешься.

– Проснусь. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Скоро увидимся.

– Ну еще бы, – подтвердила Дэйзи. – Думаю, мы вас поженим. Приезжай к нам почаще, Ник, и я постараюсь – как это? – свести вас. Знаешь, буду случайно запираю вас в бельевых шкафах, сажать обоих в лодку и отпускать ее по морским волнам, ну и прочее в том же роде...

– Спокойной ночи, – повторила уже с лестницы мисс Бейкер. – Я ни слова не расслышала.

– Хорошая девушка, – сказал, выдержав паузу, Том. – Им не следует позволять ей болтаться вот так по всей стране.

– Кому это «им»? – холодно осведомилась Дэйзи.

– Ее семье.

– Ее семья состоит из единственной тетушки, которой уже тысяча лет. А кроме того, за ней станет присматривать Ник, ведь правда, Ник? Этим летом она будет проводить большую часть уик-эндов у нас. Думаю, наш дом окажет на нее благотворное воздействие.

Некоторое время Дэйзи и Том молча взирали друг на дружку.

– Она из Нью-Йорка? – поспешил спросить я.

– Из Луисвилла. Там мы провели вместе наше белое детство. Наше прекрасное белое...

– Вы с Ником успели поговорить на веранде по душам? – внезапно осведомился Том.

– Мы успели? – повернулась ко мне Дэйзи.

– Не припоминаю. По-моему, мы разговаривали о нордической расе. Да, верно. Разговор как-то завелся сам собой, мы и опомниться не успели...

– Не верь всему, что слышишь, Ник, – порекомендовал Том.

Я бодро ответил, что ничего, собственно, и не слышал, и несколько минут спустя встал, чтобы ехать домой. Они проводили меня до дверей, постояли бок о бок в квадрате веселого света. Когда я включил двигатель, Дэйзи не терпящим возражения тоном окликнула меня: «Постой!»

– Забыла спросить тебя, а это важно. Мы слышали, ты помолвлен с кем-то на Западе.

– Да, верно, – благожелательно подтвердил Том. – Говорили, что ты помолвлен.

– Навет. Я слишком беден.

– Но мы же слышали, – упорствовала Дэйзи, и лицо ее, к моему удивлению, снова раскрылось, точно цветок. – Слышали от трех людей, стало быть, это не может быть неправдой.

Разумеется, я знал, о чем идет речь, однако помолвкой тут и не пахло. Отчасти из-за того, что пересуды уже превращались чуть ли не в официальное оглашение предстоящей свадьбы, я и переехал на Восток. Не мог же я разорвать отношения с давней знакомой из-за одних только слухов, а с другой стороны, и не желал, чтобы слухи довели меня до женитьбы.

Интерес, который проявили ко мне Дэйзи и Том, пожалуй, тронул меня, сократив созданное богатством расстояние между нами, – тем не менее, покидая их особняк, я испытывал и замешательство, и легкое отвращение. Мне представлялось, что самое правильное для Дэйзи – поскорее бежать из дома, прихватив с собой ребенка, но, по-видимому, она такого намерения не питала. Что касается Тома, то обстоятельство, что он «завел в Нью-Йорке какую-то женщину», казалось мне, по правде сказать, менее удивительным, чем внушенное ему какой-то книгой мрачное состояние духа. Что-то заставляло Тома кормиться крохами замшелых идей, – похоже, рожденному телесной крепостью самомнению больше не удавалось напивать его властную душу.

От крыш придорожных баров и от заправочных станций, перед которыми красовались в лужицах света новенькие красные бензоколонки, уже тянуло совершенно летним теплом, и я, достигнув моего поместья на Западном Яйце, загнал машину под отведенный ей навес и посидел немного на брошенном посреди двора трамбовочном катке. Ветер выдохся, оставив после себя звучную, яркую ночь с биением крыльев в кронах деревьев и ровным органным гудением: казалось, что полные воздуха мехи земли нагнетают его в гортани полных жизни лягушек. Силуэт вышедшей на прогулку кошки волнообразно проплыл мимо меня в свете луны, и, поглядев ей вслед, я обнаружил, что не одинок, – какой-то мужчина выступил футах

в пятидесяти от меня из тени соседского особняка и остановился, держа руки в карманах и вглядываясь в серебристую россыпь звезд. Неторопливость его движений, уверенность, с которой попирали лужайку его туфли, навели меня на мысль, что передо мной сам мистер Гэтсби, пожелавший выяснить, какая часть здешних небес принадлежит лично ему.

Я решил окликнуть его. Мисс Бейкер упомянула о нем за обедом, для знакомства этого хватит. Но не окликнул, поскольку он дал вдруг понять, что одиночество по душе ему, – протянул странноватым движением руки к темной воде и даже при том расстоянии, что разделяло нас, я готов был поклясться, что он дрожит. Невольно взглянув на море, я не увидел ничего, кроме единственного зеленого огонька, крошечного, далекого, это мог быть фонарь на краю причала. Когда же я опять повернулся к Гэтсби, тот исчез, я снова остался один в беспокойной тьме.

Глава вторая

Примерно на середине пути от Западного Яйца до Нью-Йорка шоссе торопливо принимает к железной дороге и на протяжении четверти мили бежит вдоль рельсов, словно сторожась безотрадной местности. Это долина праха – умопомрачительное уголье, где прах прорастает подобно пшенице, образуя холмы, хребты и причудливые парки, обретает обличья домов, и дымоходов, и валящего из них дыма, и наконец, после немыслимого напряжения сил – людей, смутно перемещающихся, крошащихся в рассыпчатом воздухе. Время от времени череда серых автомобилей³ выползает там на невидимую дорогу и, испустив призрачный стон, замирает, и к ней немедля стекается рой пепельно-серых людей с тяжелыми лопатами и вскопывает непроницаемую пелену, скрывающую от взоров их темные труды.

Однако спустя всего только миг вы различаете поверх этой серой земли – в спазмах нескончаемо плывущей над ней унылой пыли – глаза доктора Т. Дж. Экклебурга. Глаза у доктора Т. Дж. Экклебурга синие, великанские – райки их имеют в высоту целый ярд. Лица за ними нет, они смотрят сквозь огромные желтоватые очки, сидящие на несуществующем носу. Должно быть, некий оголтелый остряк-окулист водрузил их здесь, чтобы оживить свою практику в Куинсе, а сам погрузился в вечную слепоту – или переехал куда-то, забыв о них. Глазам же, слегка потускневшим, оттого что их не подкрашивали в течение многих дождливых и солнечных дней, осталось лишь вглядываться в мрачную свалку.

Одну из границ долины праха образует грязная речушка, и когда разводной мост над ней поднимают, чтобы пропустить барки, пассажиры остановившихся в ожидании поездов получают возможность созерцать унылый пейзаж порой и полчаса кряду. Поезда здесь встают непременно, самое малое на минуту, вследствие чего я и познакомился с любовницей Тома Бьюкенена.

Сам факт ее существования с упорством выставлялся им напоказ, куда бы он ни приходил. Знакомых Тома возмущало его обыкновение приводить эту женщину в какой-нибудь модный ресторан, а там оставлять за столиком и бродить по залу, заговаривая с ними. Мне было любопытно посмотреть на нее, однако сводить с ней знакомство я не собирался – и все-таки свел. Как-то после полудня я поездом отправился с Томом в Нью-Йорк и, когда мы остановились среди шлаковых отвалов, он вдруг вскочил, ухватил меня за локоть и буквально выволок из вагона.

– Сходим! – повелительно объявил он. – Я хочу познакомить тебя с моей девушкой.

Думаю, во время ленча Том основательно заложил за воротник, отчего его решимость увлечь меня за собой отдавала насилием. Он явно исходил из надменного предположения, что лучшего занятия мне в послеполуденные воскресные часы все равно не найти.

Я перелез вслед за ним через низкую беленую ограду железнодорожных путей, и под неотвязным взором доктора Экклебурга мы прошагали вдоль них вспять около сотни ярдов. На краю сорной пустоши притулился квартал желтых кирпичных зданий, рассеченный подобием Главной улицы – коротенькая, она, прислужившись ему, удалялась в полную пустоту. Из трех здешних заведений одно сдавалось в аренду; вторым был ночной ресторанчик, к которому вела шлаковая дорожка; а третьим мастерская – «Ремонт. ДЖОРДЖ Б. УИЛСОН. Покупка и продажа автомобилей», – в нее мы и вошли.

Внутри она выглядела далеко не процветающей, голой; единственным в ней автомобилем был запыленный, наполовину развалившийся «Форд», грузно стоявший в темном углу. Мне подумалось, что этот призрак мастерской сооружен для отвода глаз, а где-то наверху кроется роскошное, романтическое жилище, но тут из двери конторы вышел, вытирая куском ветоши

³ См. рассказ А. Грина «Серый автомобиль».

руки, ее хозяин. То был светловолосый, бесцветный мужчина, худосочный и – с большими оговорками – привлекательный. Когда он увидел нас, в его светло-голубых глазах засветился унылый проблеск надежды.

– Здорово, Уилсон, старина, – сказал Том, жизнерадостно хлопнув его по плечу. – Как дела?

– Грех жаловаться, – неубедительно ответил Уилсон. – Так когда же вы продадите мне ту машину?

– На следующей неделе; сейчас ее приводит в порядок мой человек.

– Уж больно долго он возится, не думаете?

– Не думаю, – холодно обронил Том. – Но если вы недовольны, может, мне все же лучше продать ее кому-то другому?

– Я не это имел в виду, – поспешил оправдаться Уилсон. – Я просто...

Он примолк, Том окинул мастерскую нетерпеливым взглядом. И тут до меня донесся с лестницы звук шагов, а мгновение спустя свет, лившийся из конторской двери, заслонила полноватая женщина. Тридцати с чем-то лет, немного слишком дородная, она несла избыток плоти с чувственностью, доступной лишь немногим представительницам ее пола. Лицо над платьем из темно-синего в горошек крепдешина, никаких признаков или отблесков красоты не являло, однако в нем мгновенно ощущалась жизненная сила, словно сжигавшая каждый нерв ее тела. Медленно улыбнувшись, она прошла, казалось, сквозь мужа, как если бы тот был призраком, протянула руку Тому, глядя ему прямо в глаза. А затем облизнула губы и, не оборачиваясь, сказала мужу голосом мягким и хрипловатым:

– Почему бы тебе не принести стулья, может, кто-нибудь присесть захочет.

– Да, конечно, – торопливо согласился Уилсон и направился к маленькой конторе, мгновенно слившись с цементного цвета стенами. Пелена белой пепельной пыли занавесила его темный костюм и светлые волосы, как занавешивала здесь все, – кроме жены Уилсона, подступившей поближе к Тому.

– Я хочу побыть с тобой, – отчетливо произнес он. – Поедем следующим поездом.

– Хорошо.

– Встретимся у газетного киоска на нижней платформе.

Она кивнула и отступила от него – как раз в тот миг, когда из двери конторы появился несший два стула Джордж Уилсон.

Мы ожидали ее у дороги, там, где нас невозможно было увидеть от мастерской. До Четвертого июля оставалось лишь несколько дней, и серый, тощий итальянский мальчишка рядом составлял вдоль рельсов петарды.

– Кошмарное место, верно? – сказал Том, обменявшись с доктором Эккебургом неодобрительными взглядами.

– Жуткое.

– Ей полезношний раз выбраться отсюда.

– Муж возражать не станет?

– Уилсон? Он думает, что она ездит в Нью-Йорк, чтобы повидаться с сестрой. Такой болван, что и помрет – ничего не заметит.

Вот так Том Бьюкенен, его любовница и я вместе отправились в Нью-Йорк – не совсем вместе, поскольку миссис Уилсон осмотрительно устроилась в другом вагоне. Том согласился на эту уступку щепетильности тех обитателей Восточного Яйца, какие могли объявиться в поезде.

Она переоделась, теперь на ней было платье из коричневого узорчатого муслина, который туго обтянул ее широковатые бедра, когда в Нью-Йорке Том помогал ей спуститься на перрон. Остановившись у газетного киоска, она купила номера «Городской сплетни» и фильмового журнала, а в вокзальной аптеке – немного кольдкрема и флакончик духов. Наверху, в отзываю-

щемся торжественным эхо зале, куда заезжают машины, она забрала четыре такси, прежде чем остановить свой выбор на новеньком, лавандового цвета, с серой обшивкой сидений, – в нем мы наконец выплыли из громады вокзала под яркий солнечный свет. Впрочем, миссис Уилсон сразу же резко отвернулась от окна и, наклонившись вперед, постучала по ветровому стеклу.

– Хочу одну из вон тех собак, – напористо объявила она. – Для квартиры. Они такие милые – собаки.

Машина сдала назад, к седому старику, обладавшему нелепым сходством с Джоном Д. Рокфеллером. В свисавшей с его шеи корзине жались друг к дружке новорожденные щенки неопределимой породы, их было там около дюжины.

– Какая это порода? – нетерпеливо спросила миссис Уилсон, как только он подошел к окну.

– Всекие тут. Вы какую хотите, леди?

– Мне нравятся овчарки, как у полиции. У вас такой, наверное, нет?

Старик с сомнением заглянул в корзину, окунул в нее руку и за заливку вытащил извивавшегося щенка.

– Это не овчарка, – сказал Том.

– Да, не совсем, – огорченно согласился старик. – Скорее, эрдель.

Он провел ладонью по курчавой, как мочалка, спинке щенка.

– Вы на шерсть его посмотрите. Какая шерсть! Этот пес простуду не схватит, никаких с ним хлопот.

– По-моему, она миленькая, – пылко заявила миссис Уилсон. – Сколько стоит?

– Этот? – Старик с обожанием поглядел на щенка. – Этот обойдется вам в десять долларов.

Щенок – эрдель, несомненно, принял участие в его появлении на свет, хотя лапки малыша отливали разительной белизной, – перешел из рук в руки и устроился на коленях миссис Уилсон, которая с восторгом принялась гладить антипростудную шерстку.

– Это мальчик или девочка? – деликатно осведомилась она.

– Песик-то? Мальчик.

– Сука это, – решительно объявил Том. – Вот ваши деньги. Можете купить на них еще десяток собак.

Мы ехали по Пятой авеню, такой теплой, тихой, почти буколической летним воскресным днем – я не удивился бы, увидев за ближайшим углом большую отару белых овец.

– Остановите, – попросил я, – мне нужно вый ти здесь.

– Ничего тебе не нужно, – поспешил возразить Том. – Мерتل обидится, если ты не заглянешь в ее квартиру. Правда, Мерتل?

– Поедте с нами, – попросила она. – Я позвоню моей сестре, Кэтрин. Знающие люди называют ее красавицей.

– Да я бы с удовольствием, но...

И мы поехали дальше и снова пересекли Парк-авеню, направляясь к Западным Сотым улицам. На 158-й машина остановилась у одного из ломтей большого белого торта, образованного многоквартирными домами. Окинув окрестности взглядом вернувшейся восвояси королевы, миссис Уилсон взяла под мышку щенка, собрала остальные свои покупки и надменно вступила в дом.

– Я попрошу Мак-Ки подняться к нам, – объявила она в лифте. – И, конечно, сестре позвоню.

Квартира находилась в верхнем этаже – маленькая гостиная, маленькая столовая, маленькая спальня и ванная комната. Гостиная оказалась заставленной до самых дверей великоватой для нее мебелью в гобеленовой обивке, отчего, перемещаясь по ней, я то и дело наталкивался

на гулявших по садам Версаля дам. Единственной украшавшей ее стены картинкой была чрезмерно увеличенная фотография, которая изображала на первый взгляд курицу, сидевшую на расплывчатой скале. Впрочем, если отойти подальше, курица обращалась в шляпку, а скала – в лицо дородной пожилой женщины, с улыбкой глядевшей в комнату. На столе лежали два старых номера «Городской сплетни», роман «Симон, называемый Петром»⁴ и несколько желтых бродвейских журнальчиков. Первым делом миссис Уилсон занялась щенком. Лифтер без большой охоты отправился за набитым соломой ящиком и молоком, к которому он по собственному почину добавил жестянку больших, жестких собачьих галет – одна из них до самой ночи апатично раскисала в блюде с молоком. Тем временем Том отпер бюро и вытащил из него бутылку виски.

За всю мою жизнь я напивался всего лишь два раза, и второй пришелся на тот вечер, поэтому все, что происходило тогда, затянулось тусклым туманом, хоть до восьми вечера квартиру и заливал веселый солнечный свет. Миссис Уилсон кому-то звонила, сидя на коленях Тома; затем выяснилось, что у нас закончились сигареты, и я сходил за ними в аптеку на углу. Вернувшись, я обнаружил, что миссис Уилсон и Том куда-то исчезли, и потому рассудительно посидел в гостиной, успев прочитать главу «Симона, называемого Петром», – либо роман был ужасен, либо виски извратило все мной прочитанное, потому что никакого смысла я в нем не усмотрел.

Едва вернулись Том и Мертл, – после первой порции спиртного мы с миссис Уилсон перешли на «ты», – в квартиру стали сходить гости.

Сестра, Кэтрин, оказалась стройной, искушенной женщиной примерно тридцати лет, с густыми и колючими, коротко подстриженными рыжими волосами и напудренной до молочной белизны кожей. Брови она выщипывала и прорисовывала заново под более бесшабашным углом, однако природа норовила восстановить прежнюю линию их строя, отчего лицо Кэтрин словно размывалось. Движения ее сопровождалось непрерывным побрякиванием несчетных керамических браслетов, которые перекликались на ее руках сверху вниз и снизу вверх. В квартиру она вошла с такой хозяйской поспешностью и пробежалась по мебели взглядом столь собственническим, что я погадал, не живет ли она здесь. Впрочем, когда я спросил ее об этом, она безудержно расхохоталась, громко повторила мой вопрос и сказала, что живет с по дружкой в отеле.

Мистер Мак-Ки, сосед снизу, был бледным, женственным мужчиной. Только что побрившийся – на скуле его осталось белое пятнышко пены, – он приветствовал всех, кого увидел в гостиной, с чрезвычайной учтивостью. Мне мистер Мак-Ки отрекомендовался как человек, подвизающийся на «художественном поприще», а несколько позже я узнал, что он фотограф – увеличенная тусклая матушка миссис Уилсон, парившая подобно мистической эктоплазме над комнатой, была делом его рук. Супруга мистера Мак-Ки обладала пронзительным голосом, но особой была томной, привлекательной и противной. Она с гордостью сообщила мне, что за время супружества муж сфотографировал ее сто двадцать семь раз.

Миссис Уилсон успела сменить наряд на замысловатое вечернее платье из кремового шифона, сопровождавшее непрерывным шелестом ее перемещения по гостиной. Под воздействием платья претерпела изменения и ее повадка. Бьющая через край жизненная сила, столь поразившая меня в автомобильной мастерской, преобразовалась во внушительное высокомерие. Ее смех, жесты, высказывания обретали что ни миг нарочитость все более истовую, она словно разрасталась, а комната вокруг нее съеживалась, пока не стало казаться, что миссис Уилсон вращается в дымном воздухе на шумной, скрипучей оси.

⁴ «Симон, называемый Петром» – роман Роберта Кибла (1921) о сложившейся на фронте любовной паре – священнике и медсестре.

– Дорогая, – крикнула она сестре голосом тонким и жеманным, – большая часть этой публики только и знает, что дурит нас. Ни о чем, кроме денег, они не думают. На прошлой неделе сюда приходила женщина, которая занимается моими ступнями, так я, увидев ее счет, решила, что она мне заодно и аппендикс вырезала.

– Как ее звали? – спросила миссис Мак-Ки.

– Миссис Эберхард. Она ухаживает за ногами людей прямо на дому.

– Мне нравится ваше платье, – сообщила миссис Мак-Ки. – По-моему, оно восхитительно.

Миссис Уилсон отвергла комплимент, презрительно приподняв бровь.

– Просто дурацкое старое тряпье, – сказала она. – Я надеваю его, когда мне все равно, как выглядеть.

– Однако, должна сказать, смотрите вы в нем превосходно, – стояла на своем миссис Мак-Ки. – Если бы Честеру удалось поймать вас в такой, как сейчас, позе, он, пожалуй, смог бы кое-что из вас сделать.

Все мы молча усталились на миссис Уилсон, а она, отведя с глаз прядь волос, с сияющей улыбкой воззрилась на нас. Мистер Мак-Ки внимательно изучил ее, несколько склонив голову набок, потом медленно повел ладонями взад-вперед перед своим лицом.

– Я бы изменил освещение, – сказал он, помолчав. – Мне нравится выявлять черты лица. И волосы распустил бы.

– А я бы и не подумала менять свет, – воскликнула миссис Мак-Ки. – По-моему, это...

Муж ответил ей: «Чш!», и мы снова оглядели предмет их разговора, после чего Том Бьюкенен звучно зевнул и поднялся на ноги.

– Вам, Мак-Ки, нужно что-нибудь выпить, – сказал он. – Принеси еще льда и минеральной, Мертл, пока все не заснуло.

– Говорила же я этому олуху про лед! – Мертл возвела брови: беспомощность представителей низших классов явно выводила ее из себя. – Что за люди! Все по два раза повторять приходится.

Она взглянула на меня, бессмысленно усмехнулась. Затем подскочила к щенку, восторженно поцеловала его и поплыла на кухню, всем своим видом показывая, что там ожидает ее указаний десяток поваров.

– Я сделал на Лонг-Айленде несколько хороших работ, – сообщил мистер Мак-Ки.

Том обратился к нему равнодушный взгляд.

– Парочку мы обрамили и повесили внизу.

– Парочку чего? – надменно осведомился Том.

– Этюдов. Один я назвал «Монток-Пойнт. Чайки», другой – «Монток-Пойнт. Море».

Сестра Кэтрин опустилась рядом со мной на кушетку.

– Вы тоже на Лонг-Айленде живете? – спросила она.

– На Западном Яйце.

– Правда? С месяц назад я была там на приеме. У человека по фамилии Гэтсби. Знаете его?

– Живу с ним бок о бок.

– Говорят, он не то племянник, не то кузен кайзера Вильгельма. Потому у него и денег куры не клюют.

– Да неужели?

Она кивнула.

– Я его побаиваюсь. Не хотела бы, чтобы он заимел на меня зуб.

Этот поток увлекательных сведений оборвала миссис Мак-Ки, внезапно ткнувшая пальцем в Кэтрин.

– Честер, по-моему, ты смог бы сделать что-нибудь из нее, – выпалила она, однако мистер Мак-Ки лишь скучливо кивнул и вновь обратился к Тому:

– С удовольствием поработал бы на Лонг-Айленде еще, если бы мне позволили. Я ведь прошу лишь об одном – дайте мне показать себя.

– Обратитесь к Мертл, – ответил, коротко рассмеявшись, Том, и тут в гостиную вошла с подносом миссис Уилсон. – Ты ведь дашь ему рекомендательное письмо, верно, Мертл?

– Дам что? – ошеломленно переспросила она.

– Дашь мистеру Мак-Ки рекомендательное письмо к мужу, чтобы он сделал с него этюды? – С миг Том молча шевелил губами, придумывая продолжение. – «Джордж Б. Уилсон у бензоколонки» – что-нибудь в этом роде.

Кэтрин, наклонившись, прошептала мне на ухо:

– Каждый из них терпеть не может свою половину.

– Не может?

– Терпеть не может. – Она взглянула на Мертл, потом на Тома. – Я всегда говорю: зачем жить с ними, если вы их терпеть не можете? Я бы на вашем месте вмиг получила по разводу и поженилась.

– Но разве она не любит Уилсона?

Ответ оказался неожиданным. Дала его Мертл, до ушей которой донесся мой вопрос, и ответ этот был яростным и непристойным.

– Вот видите? – торжествующе воскликнула Кэтрин. И снова понизила голос: – На самом-то деле им мешает соединиться его жена. Она католичка, а католикам разводиться не положено.

Дэйзи вовсе не была католичкой, и изощренность этой лжи несколько ошеломила меня.

– Поживившись, – продолжала Кэтрин, – они уедут на Запад и поживут там, пока не уляжется шум.

– Благоразумнее было бы уехать в Европу.

– О, так вам нравится Европа? – удивленно вскричала она. – Я совсем недавно вернулась из Монте-Карло.

– Вот как?

– В прошлом году. Ездила туда с одной девушкой.

– И надолго?

– Да нет, мы просто доехали до Монте-Карло и вернулись. Через Марсель. У нас было двенадцать сотен долларов, но тамошнее жулье за два дня обчистило нас в отдельных кабинетах игорных домов. Как мы назад добирались, это отдельный кошмар. Господи, до чего же я ненавижу этот город!

На миг предвечернее небо разукрасилось за окном медовой синевой Средиземноморья, – а затем пронзительный голос миссис Мак-Ки вернул меня в гостиную.

– Я тоже чуть не совершила ошибку, – напористо сообщила она. – Едва не вышла за жидка, который несколько лет ухлестывал за мной. Я понимала, что он мне не пара. Все говорили мне и по многу раз: «Люсиль, он же совсем не ровня тебе!» Но если бы я не встретила Честера, он бы наверняка меня получил.

– Да, но, знаете ли, – сказала, кивая, Мертл Уилсон, – по крайней мере, вы за него не вышли.

– Знаю, что не вышла.

– Вот, а я за него вышла, – двусмысленно объявила Мертл. – В этом-то и разница между вами и мной.

– А зачем вышла-то, Мертл? – спросила Кэтрин. – Никто же тебя не заставлял.

Мертл задумалась.

– Вышла, потому что считала его джентльменом, – в конце концов ответила она. – Думала, у него хоть какие-то понятия о приличных манерах есть, а он и мизинца моего не стоил.

– Одно время ты по нему с ума сходила, – заметила Кэтрин.

– Я, по нему! – воскликнула Мертл, словно не поверив своим ушам. – Кто это сказал, что я сходила по нему с ума? Ничуть не больше, чем вот по этому мужчине.

И она вдруг ткнула пальцем в меня, и все обратили ко мне осуждающие взоры. Я же постарался придать моему лицу выражение, говорящее, что я ни малейшего отношения к прошлому ее не имею.

– Я сошла с ума всего один раз – когда согласилась выйти за него. И мигом поняла, что ошиблась. Для свадьбы он занял у какого-то приятеля его лучший костюм, а мне об этом ничего не сказал, и в один прекрасный день, когда Джорджа не было дома, тот мужик заявился к нам за костюмом. – Она повела взглядом вокруг, пытаясь понять, кто из нас ее слушает. – «Ах, это ваш костюм?» – сказала я. – Впервые об этом слышу». Но, конечно, костюм отдала, а потом повалилась на кровать и ревела до самой ночи так, что стены тряслись.

– Ей и вправду лучше бы бросить его, – повернувшись ко мне, подвела итог Кэтрин. – Они уж одиннадцать лет над той мастерской живут. А Том – первый дружок за всю ее жизнь.

К этому времени бутылка виски, вторая, уже стала пользоваться серьезным спросом – у всех, кроме Кэтрин, сказавшей, что ей «и так хорошо». Том звонком вызвал швейцара и отправил его за некими знаменитыми сэндвичами, которые сами по себе были отменным ужином. Мне хотелось покинуть квартиру, пойти в мягком сумраке на восток, к парку, но всякий раз, пытаясь проделать это, я увязал в каком-нибудь бурном, крикливом споре и он, словно веревкой, утягивал меня назад в кресло. И все-таки желто горевшая высоко над городом череда наших окон наверняка вносила свой вклад в совокупность людских тайн, томившую случайного созерцателя этого света, а я был и им тоже, глядящим вверх, теряющимся в догадках. Я находился внутри и вовне, и неисчерпаемое разнообразие жизни одновременно и обвораживало и отвращало меня.

Мертл пододвинула свое кресло к моему, и неожиданно ее теплое дыхание овевало меня историей их с Томом знакомства.

– Мы сидели лицом друг к другу на коротеньких скамейках, которые до последнего остаются в вагоне свободными. Я ехала в Нью-Йорк повидать сестру и заночевать у нее. А он был во фраке, в лакированных туфлях, я глаз от него отвести не могла, но каждый раз, как он посматривал на меня, притворялась, будто разглядываю висевшее над его головой рекламное объявление. Когда мы уже выходили из вагона, он оказался рядом со мной, и белая грудь его рубашки прижалась к моей руке, и я сказала ему, что мне придется позвать полицейского, но он знал, что я вру. Я так разволновалась, что, садясь с ним в такси, едва понимала, что это машина, а не вагон подземки. А в голове у меня вертелось только одно, снова и снова: «Живем только раз, живем только раз».

Тут она повернулась к миссис Мак-Ки и наполнила гостиную звонким наигранным смехом.

– Дорогая, – крикнула она, – я подарю вам это платье, как только вылезу из него. Завтра новое куплю. Но сначала составлю список всего, что я должна переделать – побывать у массажистки, завиться, купить собачий ошейник, и еще хитрую пепельницу с пружинкой, и венок с черным шелковым бантом на мамину могилу, такой, чтобы его на все лето хватило. Да, придется составить список, не то я что-нибудь непременно забуду.

Было девять часов, – однако, когда я почти сразу за тем посмотрел на часы, выяснилось, что уже десять. Мистер Мак-Ки спал в кресле, уложив стиснутые кулаки на колени – ни дать ни взять фотография человека, переделавшего множество дел. Я вытащил носовой платок и стер с его щеки пятнышко засохшей пены, которое весь вечер не давало мне покоя.

Песик сидел на столе, вглядываясь полуслепыми глазами в табачный дым и время от времени тихо постанывая. Люди исчезали, появлялись снова, договаривались пойти куда-то, потом теряли друг дружку из виду, принимались искать и находили в нескольких футах от себя. Ближе к полуночи Том Бьюкенен с миссис Уилсон стояли лицом к лицу и яростно спорили о том, имеет ли она хоть какое-то право произносить имя Дэйзи.

– Дэйзи! Дэйзи! Дэйзи! – прокричала миссис Уилсон. – Когда захочу, тогда и скажу! Дэйзи! Дэй...

И Том Бьюкенен коротким умелым ударом открытой ладони расквасил ей нос.

Окровавленные полотенца на полу ванной комнаты, бранчивые женские голоса, перекрывающий их долгий, прерывистый вопль боли. Мистер Мак-Ки пробудился от дремоты и ошалело направился к двери. На полпути к ней он обернулся и обозрел всю картину – свою жену и Кэтрин, сновавших среди теснящейся мебели туда и сюда с бинтами и ватой, выкрикивая слова брани и утешения; в отчаянии распластавшуюся по кушетке окровавленную женщину, пытавшуюся прикрыть гобеленные сцены Версаля номерами «Городской сплетни». Затем мистер Мак-Ки повернулся и продолжил шествие к двери. Я, сняв с канделябра мою шляпу, последовал за ним.

– Давайте как-нибудь позавтракаем вместе, – предложил он, пока мы спускались в стоящем лифте.

– Где?

– Да где угодно.

– Рычаг не трогайте, – рявкнул лифтер.

– Прошу прощения, – с достоинством ответил мистер Мак-Ки. – Я и не заметил, как коснулся его.

– Ладно, – согласился я, – с удовольствием.

...Я стоял у кровати, он сидел на ней с большой, содержавшей его работы папкой в руках – сидел в одном нижнем белье, накинув на плечи одеяло.

– «Красавица и чудовище»... «Одиночество»... «Старая лошадь бакалейщика»... «Бруклинский мост»...

А потом я лежал в полудреме на скамье холодной нижней платформы Пенсильванского вокзала, тарасился на утренний выпуск «Трибюн» и ждал четырехчасового поезда.

Глава третья

Летними ночами из поместья моего соседа неслась музыка. В синеве его парка мужчины и женщины появлялись и скрывались из глаз и кружили, словно мотыльки, среди шепотов, шампанского и звезд. После полудня, в часы прилива, я смотрел, как его гости ныряют с сооруженной на плоту вышки или загорают на горячем песке пляжа, как два его катера рассекают воду Пролива, а за ними летят, поднимая фонтаны пены, аквапланы. По уик-эндам его «Роллс-Ройс» обращался в омнибус, доставлявший ватаги гостей из города и в город – начиналось это в девять утра и продолжалось далеко за полночь, – и принадлежавший ему моторный фургон бегал, словно шустрый желтый жук, встречая все поезда подряд. А в понедельник восемь слуг и приходящий садовник в их числе трудились с утра до вечера, орудуя швабрами, щетками, молотками и садовыми ножницами, устраняя следы разора, учиненного ночными гостями.

Каждую пятницу нью-йоркский фруктовщик доставлял в дом пять корзин апельсинов и лимонов – и каждый понедельник эти же апельсины и лимоны, обратившиеся в пирамиды лишенных мякоти полушарий, покидали дом через заднюю дверь. На кухне его стояла машинка, способная за полчаса выжать сок из двухсот апельсинов – при условии, что слуга двести раз придавит на ней большим пальцем кнопку.

Не реже чем раз в две недели некая обслуживавшая банкеты и тому подобное фирма присылала в поместье своих людей, и они привозили сотни ярдов брезента и разноцветные лампочки в количествах, достаточных для того, чтобы превратить огромный парк Гэтсби в рождественскую елку. Буфетные стойки украшались поблескивавшими закусками, пряная буженина теснилась на них среди многоцветных, как арлекины, салатов, и запеченных в слоеном тесте сарделек, и каким-то волшебством обращенных в слитки темного золота индеек. В главной зале особняка воздвигалась барная стойка с настоящей медной подставкой для ног, и стену за ней заполняли бутылки джина самых разных сортов, и вин, и наливок, позабытых уже так давно, что гости в большинстве своем оказывались слишком молодыми, чтобы определить разницу между одной и другой.

К семи часам появляется оркестр – не горстка из пяти музыкантов, но столько гобоев, тромбонов, саксофонов, альтов, корнетов, пикколо и барабанов, больших и малых, что ими можно заполнить оркестровую яму. Последние пловцы подтягиваются с пляжа и переодеваются наверху; на автостоянке выстраиваются в пять рядов машины из Нью-Йорка, а залы, салоны и веранды уже разукрашиваются основными цветами, и странными стрижками на новейший манер, и шальями, о которых Кастилия может только мечтать. Бар работает в полную силу, флотилии коктейлей vyplывают в парк, и наконец воздух его наполняется говором, смехом, мимоходными двусмысленностями, звуками забываемых не сходя с места знакомств и восторженными вскриками дам, встречающих подружек, имен которых они никогда не знали.

Земля, накрываясь, отворачивает от солнца, свет лампочек становится ярче, оркестр уже наигрывает легкую, не требующую, чтобы ее слушали, музыку, а опера голосов звучит тоном выше. Смех с каждой минутой становится все беззаботнее, рассыпается все расточительнее, выплескиваясь в радостный мир. Стайки гостей изменяются все быстрее, их пополняют новоприбывшие, компании рассыпаются и составляются на одном дыхании, и уже появляются блуждающие звезды – уверенные в себе девушки, что снуют здесь и там между женщин более дородных и устойчивых, и становятся на отчетливый, радостный миг центром какой-либо компании, и сразу покидают ее, триумфально скользя среди переменчивых лиц, голосов, красок под постоянно меняющимся светом.

Неожиданно одна из этих цыганочек в трепещущем на ней опаловом платье выхватывает из воздуха коктейль, залпом выпивает его для храбрости и, поводя руками, как Фриско⁵, принимается танцевать на обтянутом брезентом помосте. Мгновенная тишь; дирижер услужливо принаравливает к ней ритм оркестра; новый всплеск суесловия, распространяющий ложную весть: она – дублерша Гильды Грей⁶ из «Варьете». Прием начался.

Я почти уверен, что при первом посещении этого дома я был одним из очень немногих гостей, действительно туда приглашенных. Гостей в поместье не звали – они приезжали сами. Садись в автомобили, и те несли их по Лонг-Айленду и почему-то останавливались у дверей Гэтсби. А когда гости оказывались в доме, кто-нибудь, знавший хозяина, представлял их, и затем они следовали нормам поведения, принятым в развлекательных парках. Временами же прибывали и убывали, Гэтсби так и не повидав, – просто заявлялись на его приемы в простоте сердечной, которая сама по себе была их входным билетом.

Но я получил настоящее приглашение. Одним ранним субботним утром шофер в голубой, точно яйцо дрозда, униформе пересек мою лужайку и вручил мне на удивление чопорную записку его хозяина: я окажу Гэтсби большую честь, говорилось в ней, если приду этой ночью на его «небольшую вечеринку». Он несколько раз видел меня и давно уж намеревался навесить, однако странные стечения обстоятельств препятствовали этому – подписано размашисто и величаво: «Джей Гэтсби».

После семи вечера я, облачившись в белую фланель, пришел на его лужайку и стал бродить, ощущая некоторую неловкость, по парку, среди водоворотов и завихрений толпы, в которой никого не знал, – хоть время от времени мне и попадались лица, уже замеченные мною в пригородном поезде. Меня сразу поразило обилие молодых англичан; все как один элегантные, все с голодным блеском в глазах и все беседующие, негромко и серьезно, с плотными преуспевающими американцами. Я не сомневался, что каждый из них норовил что-то продать: облигации, страховки, автомобили. Как бы там ни было, они мучительно сознавали, что совсем рядом, только руку протяни, рассыпаны шальные деньги, и не сомневались: довольно будет произнести несколько правильно подобранных слов, и деньги эти достанутся им.

Едва придя туда, я попытался найти хозяина дома, однако двое-трое людей, у которых я спрашивал о его местонахождении, смотрели на меня с таким изумлением и с таким пылом отрицали наличие у них сведений о его перемещениях, что я побрел к уставленному коктейлями столу, единственному в парке месту, где одинокий мужчина мог мешкать, не производя впечатление праздношатающегося нелюдима.

Я был уже близок к тому, чтобы из одного только смущения напиться в стельку, когда из дома вышла и остановилась вверху марша мраморных ступеней, чуть отклонившись назад и с презрительным интересом оглядывая парк, Джордан Бейкер.

Обрадуется она, увидев меня, или нет, я не ведал, но мне представлялось необходимым прилепиться к кому-нибудь, пока я еще не начал приставать с задушевными разговорами к проходящим мимо меня людям.

– Здравствуйте! – завопил я, направляясь к ней. Собственный голос показался мне ненатурально громким, слышимым во всех уголках парка.

– Так и думала, что встречу вас здесь, – равнодушно заметила она, когда я приблизился. – Помнила, что вы живете бок о бок с...

Она бесстрастно взяла меня за руку, словно пообещав заняться мною через минуту, и повернулась к двум девушкам в одинаковых желтых платьях, остановившимся у подножия лестницы.

⁵ Джо Фриско (1889–1958) – американский водевильный актер, начинавший как танцор джаза.

⁶ Гильда Грей (1901–1959) – сценический псевдоним Марианны Михальска, водевильной танцовщицы, которой обязан своей популярностью танец «шимми». С 1922 г. выступала на Бродвее в серии постановок под названием «Варьете Зигфрида».

– Привет! – единогласно прокричали они. – Как жаль, что вы не победили.

Речь шла о гольфовом турнире. Неделю назад Джордан проиграла его финал.

– Вы нас не помните, – сказала одна из девушек в желтом, – но мы познакомились с вами здесь примерно месяц назад.

– С тех пор вы перекрасились, – отметила Джордан, и я немного смутился, однако девушки уже двинулись дальше, словно забыв о ней, а замечание ее оказалось обращенным к слегка недозрелой луне, несомненно, привезенной сюда, как и ужин, поставщиками закусок. Нежная золотистая рука Джордан так и осталась в моей, мы спустились по ступеням и неторопливо пошли парком. Из сумерек на нас выплыл поднос с коктейлями, и мы присели за стол, уже приютивший двух девушек в желтом и троицу мужчин, каждый из которых представился нам как мистер Бурбурбур.

– Часто вы бываете на этих приемах? – осведомилась Джордан у ближней к ней девушки.

– В последний раз была когда познакомилась с вами, – живо и уверенно ответила та. И повернулась к своей спутнице: – Ты ведь тоже, Люсиль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.